

Феноменологический статус аффективной реакции на воображаемое в работах Э. Гуссерля и Ж.-П. Сартра

Елена В. Дрожецкая

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, elena_drozheckaya@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе работ Э. Гуссерля и Ж.-П. Сартра исследуется природа аффективной реакции на воображаемое. Вначале Гуссерль полагал, что возможно тождество интенциональных предметов восприятия и фантазии. В свою очередь, воображение (фантазия) может фундировать аффективные акты, то есть воображаемое может стать предметом эмоциональной реакции. Наряду с фантазиями, являющимися лишь фоном нашей сознательной жизни, существуют такие, в которых мы «живем», будучи поглощенными сфантазированным предметом «до самозабвения». Может показаться, что чувства, направленные на воображаемое, в этом случае ничем не отличаются от реальных. Р. Хопкинс считает эту позицию обоснованной, а точку зрения Сартра, утверждающего обратное, уязвимой. Однако в статье показано, что и Гуссерль, и Сартр отмечали участие аффективных актов сознания уже в конституировании предмета восприятия. Образ же, по мнению Сартра, конституируется всецело посредством аффективности и знания, в связи с чем характеризуется «сущностной бедностью», т. е. из образа невозможно узнать ничего нового. Ранее к выводу о радикальном различии предметов фантазии и восприятия пришел Гуссерль, изменив свое первоначальное мнение. Сфантазированный предмет является «квазивидимым», поскольку он не присутствует актуально, а чувство, направленное на него, претерпевает модификацию и представляет собой «квазичувство». Сартр продолжает линию рассуждений Гуссерля, утверждая, что аффективные акты по отношению к воображаемому, скорее, разыгрываются, чем испытываются, поскольку оно не обладает ни независимостью, ни неисчерпаемостью реального. Чувству, направленному на сфантазированный предмет, нечем «питаться», и оно со временем выхолащивается вплоть до абсолютной пустоты.

Ключевые слова: аффективная реакция, воображаемое, образ, сфантазированный предмет, Гуссерль, Сартр, квазичувство

Для цитирования: Дрожецкая Е.В. Феноменологический статус аффективной реакции на воображаемое в работах Э. Гуссерля и Ж.-П. Сартра // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 2. С. 10–27. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-2-10-27

The phenomenological status of an affective response to the imaginary in Husserl's and Sartre's works

Elena V. Drozhetskaya

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, elena_drozhechkaya@mail.ru*

Abstract. The paper focuses on the phenomenological status of an affective response to the imaginary in Husserl's and Sartre's works. Initially Husserl supposed that intentional objects of phantasy and perception may be identical. In turn, an imagination (fantasy) can substantiate affective acts, that is, the imaginary can become the subject of an emotional reaction. Along with fantasies, which are only the background of our conscious life, there are such ones in which we "live", being absorbed in a fantasized object "to self-forgetfulness".

The feelings aimed at the imaginary may in the case seem no different from the real ones. R. Hopkins considers that position as reasonable, and the point of view of Sartre, who asserts the opposite, as vulnerable. However the article shows that both Husserl and Sartre discovered that affectivity plays its role even in the perceptual objects constitution.

The image, according to Sartre, is constituted entirely by means of affectivity and knowledge, in connection with which it is characterized by "essential poverty", that is, it is impossible to learn anything new from the image.

Earlier, Husserl came to the conclusion about a radical difference between objects of fantasy and perception, changing his original opinion. A fantasized object is quasi-seen because it isn't given as actually present and feelings directed to it undergo modification and represent a "quasi-feeling". Sartre follows Husserl's way and claims that affective acts related to the imaginary are rather enacted than experienced since they have neither the independence nor the inexhaustibility of the real. There is nothing in fantasized object to feed the feeling consequently it becomes more abstract and finally disappears.

Keywords: affective response, imaginary, image, fantasized object, Husserl, Sartre, quasi-feeling

For citation: Drozhetskaya, E.V. (2021), "The phenomenological status of an affective response to the imaginary in Husserl's and Sartre's works", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 10-27, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-2-10-27

Введение

Теории воображения (фантазии) Э. Гуссерля и Ж.-П. Сартра вызывают большой интерес у современных зарубежных феноменологов (в качестве примера можно привести монографии А. Дюфурк «Воображаемое измерение реального в философии Гуссерля» ("La dimension imaginaire du réel dans la philosophie de Husserl", 2011), Д. Попа «Явление и реальность. Феноменология и психология воображения» ("Apparence et réalité. Phénoménologie et psychologie de

l'imagination", 2012), А. Флажолье «Первая философия Сартра» (*"La première philosophie de Sartre"*, 2008)). Немало исследователей, в числе которых и представители аналитической философии сознания, обращаются к феноменологической теории эмоций Сартра (например, Дж.П. Фелл «Эмоция в размышлениях Сартра» (*"Emotion in the thought of Sartre"*, 1965), Р. Воллахим «Об эмоциях» (*"On the emotions. Ernst Cassirer lectures"*, 1991), Г. Маккалох «Применяя Сартра: аналитическое введение к ранним сартровским темам» (*"Using Sartre. An analytical introduction to early Sartrean themes"*, 2002), Э. Хатзимойсис «Философия Ж.-П. Сартра» (*"The philosophy of Sartre"*, 2011)).

Однако проблема феноменологического статуса аффективной (эмоциональной) реакции на воображаемый (сфантазированный) объект исследована мало. В статье анализируется работа Р. Хопкинса «Воображение и аффективная реакция» [Hopkins 2011], приводятся замечания М.К. Мамардашвили по существу вопроса, изложенные им в «Лекциях о Прусте»¹.

Между тем, учитывая современную тенденцию к глобализации виртуального пространства и распространению визуального искусства, данная проблема приобретает особую актуальность. Вопрос о наличии у воображения эпистемологической (прогностической) функции в смысле возможности экстраполяции аффективного опыта взаимодействия с воображаемым на будущий опыт взаимодействия с объектами реального мира открывает новые перспективы для ценностного подхода к описанию доминирующих процессов современности.

В V «Логическом исследовании» Э. Гуссерль указал, что в интенциональных актах сознания одна и та же материя может сочетаться с любыми возможными качествами акта, иначе говоря, можно подразумевать различными способами ту же самую интенциональную предметность². В качестве примера, который представляет интерес для данной статьи, Гуссерль отметил, что возможно наличие общей материи у актов восприятия и фантазии, когда интенциональный предмет конституируется в них «как тот же самый»³. В дальнейшем в тексте 1 Нua XXIII Гуссерль в развитие своей позиции указал, что между актами восприятия и воображения (фантазии) существует

¹ Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (Психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995.

² Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1) / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Гнозис: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 385–388.

³ Там же. С. 391.

корреляция. Она состоит в том, что каждому представлению в восприятии соответствует представление в воображении (фантазии), где интенция не только направлена на тот же самый предмет, но и тем же самым способом⁴. Опираясь на учение Гуссерля о простых и комплексных актах, возможно заключить, что воображение (фантазия), как и восприятие, может, в свою очередь, фундировать акты более сложной структуры, в том числе и аффективные (эмоциональные) акты. С учетом возможного тождества предметов восприятия и воображения (фантазии), а также способности быть поглощенным предметом фантазии до «самозабвения» (р. 412) возникает вопрос о феноменологическом статусе аффективной реакции на сфантазированный предмет: могут ли чувства по отношению к предмету фантазии иметь ту же природу, что и чувства, направленные на предмет восприятия?

В своей статье, посвященной феноменологической теории воображения Ж.-П. Сартра, Р. Хопкинс критически оценивает сартровские тезисы о радикальном различии воображения и восприятия и невозможности использования воображения для познания реального мира. В его прочтении Сартр придерживается позиции о том, что реакция на воображаемый объект также является воображаемой, и эту позицию Хопкинс именует «теорией воображаемой реакции (*response*)». По его мнению, «теория воображаемой реакции» подразумевает, что «мы воображаем определенный объект или ситуацию и также воображаем аффективную реакцию на этот объект или ситуацию» [Hopkins 2011, p. 103].

Сам Хопкинс склоняется к тому, что посредством воображения возможно познание свойств вещей и что было бы «заманчиво» считать, что наше воображение является единственным способом, позволяющим предсказывать (*anticipate*) свойства вещей, вызывающие в нас определенные эмоции в реальности. Данная идея, именуемая им «теорией реакции на воображение», предполагает, что, вообразив себе вещь, обладающую неким свойством, и осознав свою аффективную реакцию на данное свойство вещи, мы делаем вывод, что все реальные вещи, обладающие данным свойством, вызовут у нас аналогичную аффективную реакцию. Разве не можем мы предсказать, размышляет Хопкинс, пройдет ли диван в дверной проем путем вращения его в воображении, разве, представляя в фантазии галстук и сорочку, нельзя определить, будет ли нравиться сфантазированное сочетание цветов в реальности, и разве нель-

⁴ Husserl E. Phantasy, image consciousness, and memory (1898–1925). Dordrecht: Springer, 2005. P. 17 (далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках).

зя, представив некий объект и испытав отвращение, предсказать мое будущее отвращение по отношению ко всем другим подобным предметам [Hopkins 2011, p. 101–103]?

Отвечая положительно на все эти вопросы, Хопкинс исходит из предпосылки, что аффективный акт, направленный на воображаемый предмет, по своей природе тождествен аффективному акту, направленному на предмет восприятия [Hopkins 2011, p. 103]. Однако достаточно ли оснований для такого вывода и действительно ли он находит подтверждение в опыте сознания? Второй вопрос касается интерпретации Хопкинсом сартровского текста: насколько обоснованно причисление Сартра к сторонникам «теории воображаемой реакции»?

М.К. Мамардашвили, опираясь на роман М. Пруста «В поисках утраченного времени», рассматривает странную, на первый взгляд, ситуацию: герой романа читает в книге описание прогулки мужчины с дамой, он представляет в фантазии эту прогулку и испытывает приятное волнение, однако, когда аналогичное событие происходит с ним в реальности, он, вопреки своим ожиданиям, равнодушен, ничего не чувствует⁵.

Чтобы разрешить указанные противоречия, мы изучим феноменологический статус аффективной реакции на воображаемое и выясним, имеет ли она какие-либо особенности по сравнению с аффективными актами, интенциональным предметом которых выступает вещь реального мира. Следовательно, в первую очередь нужно исследовать природу аффективных актов, направленных на предмет чувственного восприятия.

Эмоциональное сознание, направленное на реальный предмет

Уже Гуссерль отметил участие аффективности в конституировании интенционального предмета. Комплексность аффективных актов подразумевает, что над объективирующим актом, посредством которого представлена определенная предметность, надстраивается соответствующее типологическое свойство – эмоциональная интенция. При этом Гуссерль утверждает, что нельзя считать отношение между представленным предметом и аффективным актом каузальным, выражения обыденного языка о том, что предмет

⁵ Мамардашвили М.К. Указ. соч. С. 76–77; Пруст М. В поисках утраченного времени: Пленница [пер. с фр. Н. Любимова; примеч. О. Волчек, С. Фокина]. СПб.: Амфора, 2006. С. 191.

«вызывает» определенные чувства, «воздействует» на них, не могут пониматься буквально⁶. Кроме того, эмоциональная интенция связана не столько с самим представленным предметом, сколько с модусом его явленности.

В реальном содержании аффективных актов Гуссерль различает, с одной стороны, чувственные чувства (*sinnliche Gefühle*), или чувства-ощущения (*Gefühlsempfindungen*), а с другой стороны – чувства, которые являются интенциональными актами.

Первые из них не обладают предметной направленностью, это комплексы ощущений, чувственные данные, которым посредством апперципирующего их акта придается смысл. Вторые представляют собой «одушевляющие», апперципирующие их акты, с помощью которых на основе схватывания чувственных данных конституируется интенциональный предмет.

Гуссерль рассматривает ситуации, когда ощущения имеются, однако чувства как интенциональные акты – нет. Эти рассуждения подводят Гуссерля к размышлениям о своеобразии интенционального предмета аффективных актов. Поскольку комплексный акт представляет собой не сложение актов, а надстраивание одного акта над другим, в результате чего конституируется один-единственный предмет, неверно полагать, что вначале предмет просто представляется, а затем к нему присоединяется эмоциональное отношение. В аффективном акте предмет конституируется сразу как «вызывающий» в душе эмоциональный отклик, т. е. аффективное сознание наделяет предмет определенными качествами, которые мы соотносим с нашим чувством. Существенная роль в формировании этих качеств принадлежит, по мнению Гуссерля, неинтенциональным переживаниям – ощущениям. Он указывает, что в акте радости по поводу радостного события присутствует чувственное удовольствие, которое

с одной стороны, схватывается и локализуется как возбуждение чувства чувствующего психофизического субъекта, а с другой стороны, как свойство объекта: событие является как бы окруженное радужным мерцанием⁷.

Сказанное позволяет сделать вывод, что определенные ощущения, возникшие в нашем сознании, которые в силу своей природы переживаются, но предметно не являются, могут быть схвачены

⁶ Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1). С. 365–366.

⁷ Там же. С. 369.

как качества самого объекта. По мнению Гуссерля, осуществить аффективный акт означает произвести новое полагающее переживание и возможное полагание нового объекта: аффективного объекта (р. 492). Он утверждает:

Если я восхищаюсь стоящим передо мной человеком, значит, он стоит передо мной как восхитительный... <...> ...объекты обладают своими характеристиками именно благодаря полагающим актам, направленным на них (р. 566).

Еще более явным образом данную точку зрения выразил Сартр в «Очерке теории эмоций» (1939). Эмоциональное сознание, с его точки зрения, представляет собой дорефлексивное сознание, которое обращено не к самому себе, а к миру и обнаруживает себя в качествах трансцендентных ему вещей⁸. Сартр говорит о неразрывной связи эмоционального сознания и объекта, он, как и Гуссерль, рассматривает эмоцию как определенный модус схватывания вещи. Эмоциональное сознание постоянно возвращается к своему объекту, «питаюсь» им⁹.

Эмоциональные акты переживаются в естественной установке, а следовательно, фундирующие их акты носят тетический характер, т. е. они полагают вещи и положения дел как реально существующие в окружающем нас мире. С целью дескрипции своеобразия эмоционального акта сознания Сартр прибегает к понятию окружающего мира (*Umwelt*), заимствованному им в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая» (далее по тексту – «Идеи I») Гуссерля¹⁰.

⁸ Sartre J.-P. Sketch for the theory of the emotions. London: Methuen & Co Ltd, 1962. P. 61.

⁹ Ibid. P. 57.

¹⁰ В «Идеях I» Гуссерль указывает: «Мир для меня – не просто мир вещей, но – в той же самой непосредственности – и мир ценностей, мир благ, практический мир. Без всякого дальнейшего размышления я нахожу вещи снабженными как свойствами вещей, так и ценностными характеристиками – они прекрасны и безобразны, приятны и неприятны, милы и отвратительны и т. п. Непосредственно наличествуют вещи как предметы пользования – вот “стол” с “книгами” на нем, вот “стакан”, вот “ваза”, вот “фортепиано” и т. д. Такие ценностные и практические характеристики тоже конститутивно принадлежны “*наличным объектам*” как таковым – все равно, обращаюсь я к ним и к объектам вообще или нет. И это верно, естественно, не только в отношении “просто вещей”, но и в отношении людей и животных моего окружения» (Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль. Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический Проект, 2009. С. 91–92).

По выражению Сартра, у нас есть карта, на которую нанесены объекты в соответствии с той значимостью, которая была придана им сознанием, карта преследуемых нами целей и путей к их осуществлению. В результате окружающий мир в каждый момент нашего бодрствования обращен к нам своими требованиями. Однако на путях к реализации замыслов встречаются западни¹¹. Этот мир является «трудным», и как реакция на невозможность выполнить его требования возникает эмоциональное сознание. Сартр спорит с утверждением психологов о том, что эмоция представляет собой психофизиологическое расстройство. По его мнению, эмоция является целенаправленной, ее цель – произвести замену уже состоявшегося схватывания и придать предметности иное значение, т. е. произвести трансформацию объекта. В то же время Сартр далек от солипсизма, он отрицает возможность сознания влиять на мир, поэтому такая трансформация сродни магии (в смысле воздействия на предмет на расстоянии). Все, что может субъект, – это исполнить магический ритуал, превратить свое тело в инструмент заклинания, подвергнуть трансформации самого себя и вести себя так, как если бы объект изменился, а следовательно, изменились (или исчезли) и предъявляемые им требования¹². Поэтому Сартр говорит о «разыгрывании» эмоций, однако такое разыгрывание есть сущностный признак эмоционального сознания и не свидетельствует о том, что эмоция не является подлинной. Он замечает, что «если эмоция является разыгрыванием представления, то это то представление, которому мы верим»¹³. А также: «Реальная эмоция... сопровождается верой. Качества, навязанные объектам, принимаются за реальные»¹⁴. Неподлинные (ложные, фальшивые) эмоции возможны, но это иной случай: тогда мы сознаем, что навязываем объекту определенные качества, а в случае реальной эмоции такого сознания у нас нет¹⁵.

В случае реальной эмоции, в отличие от эмоции фальшивой, кроме поведения, имеются проявления физиологического расстройства, на которые сознание, в отличие от поведения, повлиять не может. Сартр справедливо замечает: «Я могу с помощью отчаянных усилий встать со стула... и заставить себя работать, но мои руки остаются ледяными»¹⁶. Физиологические проявления, как от-

¹¹ *Sartre J.-P.* Op. cit. P. 62.

¹² Ibid. P. 73.

¹³ Ibid. P. 65.

¹⁴ Ibid. P. 75–76.

¹⁵ Ibid. P. 74–75.

¹⁶ Ibid. P. 77.

мечает Сартр, неспецифичны, и только наше поведение придает им значение проявлений определенной эмоции¹⁷.

Трансформация субъекта, в свою очередь, выражается в его самоуничтожении перед лицом мира, бегстве от собственной свободы, что, по мнению многих исследователей [Richmond 2011, p. 152], позволяет говорить об эмоциональном сознании как о примере *mauvaise foi*¹⁸, которой посвящена отдельная глава в «Бытии и ничто»¹⁹.

Эмоциональное сознание пленено своей верой: эмоция испытывается, и от нее нельзя освободиться. Эта очарованность, захваченность сознания, свойственные сну или истерии, которые сознание рассматривает как результат воздействия объекта, вынуждают его увековечивать мир в его вызывающем эмоцию качестве. Сартр отмечает, что таким образом «эмоция старается увековечить себя... чем быстрее бежишь, тем сильнее боишься»²⁰. Качество, приписываемое объекту эмоциональным сознанием, утверждается им как субстанциальное, абсолютное. Оно подавляет своей полнотой, питая эмоциональное сознание. Это качество не обладает пространственно-временной структурой и само есть мир. Сартр пишет:

Ужасное – это не только состояние вещи в данный момент, это угроза для будущего, оно простирается и погружает во мрак всю перспективу, это откровение о смысле мира²¹.

В завершении «Очерка...» Сартр рассматривает иную ситуацию – когда не мы своим «разыгрыванием» магически трансформируем объект, а сам мир внезапно является нам как некая тотальность, воздействующая на нас магически, т. е. без дистанции. Эта ситуация маркирует для нас встречу с другим. Здесь магическое предстает как чужое сознание, деградировавшее до пассивности. Не имея к нему доступа, мы видим его проявления в мимике, жестах, даже в вещах, носящих на себе его следы, но прежде всего, как скажет Сартр в дальнейшем, мы чувствуем на себе неотступный взгляд другого²². Как и в первом случае гипостазирования качества объекта, пространственно-временная структура нашего жизненно-

¹⁷ Ibid. P. 78.

¹⁸ В.И. Колядко переводит этот термин как «самообман» (*Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*. М.: ТЕРРА – Книжный клуб: Республика, 2002. С. 82).

¹⁹ *Сартр Ж.-П. Бытие и ничто...* С. 82–104.

²⁰ *Sartre J.-P. Op. cit.* P. 80–81.

²¹ Ibid. P. 82.

²² *Сартр Ж.-П. Бытие и ничто...* С. 276–323.

го мира исчезает: другой воздействует на нас сразу и без дистанции, т. е. магическим образом, и наше сознание выступает придающим смысл миру в целом, а не отдельным его фрагментам.

Сам автор усматривает сходство между первым и вторым описанием эмоционального сознания, однако некоторые исследователи с ним не согласны. Так, С. Ричмонд считает, что второе описание эмоционального сознания существенно отличается от первого, больше соответствует нашему внутреннему опыту и является новаторским [Richmond 2011, p. 153–155]. По ее мнению, при написании «Очерка...» Сартр колебался между традиционным антропологическим подходом, считающим магическое сознание находящимся на низшем по сравнению с научным сознанием уровне, и оригинальной точкой зрения на магическое как сущностную черту мира. С такой оценкой, на наш взгляд, согласиться нельзя. Ни в первом, ни во втором описании эмоционального сознания Сартр не высказывает мнение о приоритете научного взгляда на мир. Более того, в обоих случаях речь идет об открытии не вещей мира, но мира как такового, который не есть привычный нам окружающий мир. Так мы узнаем о своем бытии под взглядом другого, равно как и о том, что мир есть в себе²³. Убежденность Сартра в невозможности влияния сознания на реальный мир связана с его тезисом о радикальном различии их природы, которое дано сознанию отнюдь не в естественно-научной установке, а на дорефлексивном уровне.

Эмоциональное сознание, направленное на вообразаемый (сфантазированный) предмет

Гуссерль, анализируя восприятие и фантазию с ноэтической стороны, отмечает, что чувственные данные, которые принадлежат реальному содержанию акта восприятия, являются иными, нежели чувственные данные, подвергающиеся схватыванию (апперцепции) в акте фантазии. В первом случае это ощущения, а во втором – фантазмы (p. 11). Однако главное различие этих актов сознания заключается в различных способах схватывания чувственного содержания. В восприятии, которое для Гуссерля выступает в качестве парадигмального акта сознания, предмет приводится к реальному присутствию, происходит встреча с вещью. Напротив, фантазия (как и образное сознание, обладающее физической опорой) представляет собой лишь репрезентацию (репродукцию)

²³ См. известное описание бытия-в-себе в романе «Тошнота» (Сартр Ж.-П. Тошнота. М.: АСТ, 2018. С. 241–243).

отсутствующего предмета. В восприятии предмет «актуально дан в сознании», «актуально представлен», «представлен во плоти», тогда как в воображении (фантазии) предмет «дан неактуально», «витает перед нами» (р. 405). В случае фантазии предмет является нам не в собственном смысле этого слова, а лишь в модусе «как бы», «так сказать» (*gleichsam, as it were*), что позволяет Гуссерлю именовать его «квазивидимым» предметом (р. 50). В результате он приходит к выводу, что «сфера фантазии полностью отделена от сферы восприятия» (р. 53), и отказывается от своего первоначального мнения о возможности тождества интенциональных предметов указанных актов сознания. Переосмыслив ранее высказанную позицию, Гуссерль заключает, что «сфантазированный предмет, рассматриваемый в точности так, как он является в фантазии, нельзя найти ни в каком восприятии» (р. 63).

Однако ни из тезиса о различии чувственных данных и способов схватывания в восприятии и фантазии, ни из тезиса о невозможности тождества между воспринятым и сфантазированным (воображаемым) предметом с необходимостью не следует, что и аффективный акт, направленный на сфантазированный (воображаемый) предмет, не может обладать той же природой, что и аффективный акт, направленный на предмет восприятия. Таким образом, феноменологический статус такого акта остается проблематичным.

Прежде всего, по мнению Гуссерля, неправильно смешивать направленное на сфантазированный предмет чувство с чувством сфантазированным (р. 426, 447, 457).

Далее, Гуссерль отмечает, что в актах фантазии наше внимание²⁴ может функционировать различным образом. Акты, в осуществление которых мы не вовлечены, характеризуются отсутствием направленности внимания на сфантазированный предмет, в таких актах он играет второстепенную роль и не является объектом интереса. Напротив, в других актах фантазии мы «живем», обращены к сфантазированному предмету, созерцаем его так, *как если бы* он здесь и сейчас актуально присутствовал, был явлен «во плоти» (р. 411–412, 415–416). Может показаться, что «нечто живое переходит от меня как актуальное живое Эго в фантазию» (р. 412) и что по отношению к сфантазированному предмету мы можем испытывать те же чувства, что и по отношению к предмету реальному (р. 411–412, 422).

²⁴ Подробнее о внимании см., в частности, § 19 V «Логического исследования» (Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1) С. 378–383).

Однако Гуссерль призывает нас к осторожности в этом вопросе. Речь идет не об актуальном (подлинном в смысле оригинала (р. 436)), а о фантазийном Эго. То, что мы называем «жизнью» в акте фантазии, в своей сущности является репродуцированием (р. 412). Нужно различать акт фантазии как часть актуального потока сознания – и в этом смысле он принадлежит актуальному Эго (даже если речь не идет о рефлексивном сознании) – от акта фантазии в его направленности на интенциональный объект. Акт фантазии осуществляется актуально, но восприятие, суждение, чувства по отношению к сфантазированной объекту актуальными не являются и принадлежат фантазийному Эго (р. 414–416, 421–423, 447–448).

Для иллюстрации своих утверждений Гуссерль приводит примеры.

Я живу в фантазии, и в ней мне являются джунгли. На земле сидит человек и ищет жуков. И затем внезапно появляется огромный лев, и человек весело смеется... <...> Я чувствую изумление, возможно даже страх (р. 447–448).

Он указывает, что в данном примере чувства не сфантазированы, мы действительно их испытываем. Однако в то же время это не актуальные, а модифицированные чувства, поскольку они направлены на сфантазированный объект, согласованы с ним и адаптированы к нему.

Или в фантазии некто представляет себе прекрасную женщину и хочет, чтобы она его полюбила. Это желание не сфантазировано, оно переживается в действительности. Однако, как замечает Гуссерль, актуально желать любви женщины, которая даже не существует, нельзя. Актуальным в данном случае могло бы быть желание, чтобы она реально существовала (р. 448).

Таким образом, репродуктивная природа воображаемого, его явленность в модусе «как бы» определяет и феноменологический статус относящегося к нему чувства. Это чувство является модифицированным, так как не связано с реальностью и ему не сопутствует вера в существование предмета, оно направлено не на актуально присутствующий, а на отсутствующий объект. С целью его различения с действительным чувством, которое может быть направлено лишь на предмет восприятия, Гуссерль именует чувство, направленное на воображаемое, «квазичувством» (р. 411, 446–447). Каким бы живым ни было чувство, направленное на сфантазированный предмет, оно, как и в целом жизнь в фантазии и обращение внимания на предмет фантазии, приобретает индекс «квази» (р. 411, 421).

Сартр, изучая природу аффективной реакции на воображаемый (сфантазированный) предмет в работе «Воображаемое: феноменологическая психология воображения»²⁵, следует направлению Гуссерля. Как и Гуссерль, он утверждает, что реальность и воображаемое представляют собой радикально различные сферы. Для этих сфер характерна своеобразная целокупность, подразумевающая наделение характеристикой реальности либо ирреальности не только самих предметов, но и всех актов сознания, на эти предметы направленных. Так, переживания сознания, направленные на предметы реального мира, соответственно, реальны, в то время как проявления душевной жизни по отношению к воображаемым предметам также являются воображаемыми. Однако можно ли на основании сказанного причислить Сартра к сторонникам «теории воображаемой реакции» в понимании Хопкинса? Думается, что нет. Действительно, Сартр различает два класса чувств, «не сводимых друг к другу»: истинные и воображаемые чувства. Однако термин «воображаемые чувства» означает для Сартра их направленность на нереальный, воображаемый, объект, а совсем не то, что они сами являются предметом фантазии²⁶. Здесь Сартр, по сути, продолжает рассуждения Гуссерля, изложенные в текстах 15, 16 Hua XXIII, несмотря на то что свидетельства его знакомства с данными текстами отсутствуют. Как и Гуссерль, Сартр прямо связывает природу чувств с природой объекта, на который они направлены. Предмет восприятия обладает независимостью и неисчерпаемостью, которые воспринимающее сознание не в силах преодолеть²⁷. Вещь реального мира упорствует в своей чуждости, равно как и другое сознание. Поэтому чувство, направленное на реальное, постоянно обогащается, подпитываясь им. Но в конституировании нереальных предметов (образов), согласно теории Сартра, уже участвуют знание и аффективность, и поэтому из них невозможно узнать ничего нового. Сартр именует эту черту «сущностной бедностью» (*la pauvreté essentielle*) образа и считает ее одним из его характерных свойств²⁸.

²⁵ Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001.

²⁶ Там же. С. 250.

²⁷ Попытку представить предмет восприятия в качестве поглощаемой сознанием пищи Сартр именует «пищеварительной философией» (*philosophie alimentaire*) (Sartre J.-P. Une idée fondamentale de la phénoménologie de Husserl: l'intentionnalité (Situations, I). Sartre J.-P. La transcendence de l'Ego. Esquisse d'une description phénoménologique. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 2003. P. 109).

²⁸ Sartre J.-P. L'imaginaire. Psychologie phénoménologique de l'imagination. Éditions Gallimard, 2005, p. 26.

Думается, что пример Хопкинса с попыткой узнать о пространственном соотношении объектов, представляя себе их в фантазии, не только не подтверждает возможность познания реального мира с помощью воображения, но, напротив, является иллюстрацией точки зрения Сартра о его невозможности. Образ не есть физическая вещь, в связи с чем не обладает пространственно-временными характеристиками. Как утверждает Сартр (и это утверждение согласуется с позицией Гуссерля), в образном сознании интенциональный предмет конституируется как отсутствующий (что означает: не присутствующий «во плоти», актуально), «образ облакает собой некое небытие»²⁹. Поэтому в фантазии мы произвольно можем представить диван как проходящим, так и не проходящим в дверной проем, но представленная картинка не даст никаких сведений относительно того, что ожидает нас в реальности.

Следовательно, не может быть реальным и возникшее по отношению к воображаемому предмету чувство. Оно, как и воображаемый предмет по отношению к реальному предмету, претерпело модификацию, поддерживается лишь усилием воли, «разыгрывается» и с течением времени вырождается, становясь все более абстрактным вплоть до абсолютной пустоты. Например, говорит Сартр, в воображении «нам становится гораздо проще любить. У каждого любимого нами человека, с присущим ему неисчерпаемым богатством, есть какая-то превосходящая нас черта, какая-то независимость, непостижимость, требующая приложения все новых и новых усилий, чтобы приблизиться к ней»³⁰. В ирреальном объекте от этой непостижимости не остается и следа.

Пруст пишет:

...познание не есть познание внешнего мира, который я сейчас избираю объектом своих наблюдений, но познание бессознательных ощущений; ибо в былое время женщина могла сидеть в том же экипаже, что и мы, в действительности же она не была рядом с нами: в нас не рождалась поминутно потребность в ней, как у меня – в Альбертине, так же как упорная ласка нашего взгляда не вызывала беспрерывно на ее лицо краску, требующую постоянного освежения, так же как чувства, утихшие, но не изгладившиеся из памяти, не придавали окраске сочности и прочности, так же как ревность, в сочетании с чувствами и с воспаляющим их воображением, не удерживает эту женщину подле нас силой равного притяжения, столь же мощной, как закон всемирного тяготения³¹.

²⁹ Сартр Ж.-П. Воображаемое... С. 67.

³⁰ Там же. С. 249.

³¹ Пруст М. Указ. соч. С. 191–192.

Мамардашвили поясняет:

Это значит, что мое состояние радости, волнения нельзя получить из качеств предмета. Женщина красива. Но мое волнение от ее красоты нельзя получить из того, что она красива³². Меня волнует не предмет как таковой, но между предметом, волнующим меня в мире, и мною лежит громадная область проработки. Предмет волнения я должен превратить в предмет волнения и потом взволноваться³³.

Реальные чувства по отношению к воображаемому невозможны, поскольку чувство, направленное на воображаемый предмет, с необходимостью фундировано в сознании (пусть и дорефлексивном) его отсутствия (небытия). Сартр замечает, что сказанное

не мешает нам в дальнейшем реагировать на этот образ, как если бы его объект присутствовал, находился перед нами, однако напрасно мы стараемся своим поведением относительно объекта породить в себе веру в то, что он существует реально; мы можем лишь на мгновение приглушить, но не разрушить непосредственное сознание его небытия³⁴.

Следовательно, обращаясь к воображаемому, я ничем не рискую, моему существованию ничто не угрожает. А именно в ситуации, когда человек тратит себя, «ставит себя на карту», вовлекается (*s'engage*) в гущу событий, Мамардашвили вслед за Прустом и Сартром видит возможность обнаружения истины, возможность встречи с реальным³⁵.

Мнение Хопкинса о прогностической роли воображения в познании реального мира основано на обратной предпосылке, согласно которой, во-первых, именно качества вещей вызывают чувства, а во-вторых, воображаемый предмет в том же смысле, что и реальный предмет, обладает качествами. Однако в свете изложенного выше ни одна из этих предпосылок не представляется убедительной.

³² Мамардашвили М.К. Указ. соч. С. 87.

³³ Там же. С. 170.

³⁴ Сартр Ж.-П. Воображаемое... С. 67–68.

³⁵ Мамардашвили М.К. Указ. соч. С. 171.

Заключение

Подведем итоги. Проблематизируя феноменологический статус аффективной реакции на воображаемое, мы отталкивались от утверждений Гуссерля о возможности тождества предметов восприятия и фантазии, а также о нашей способности «жить» в фантазии, быть поглощенным воображаемым «до самозабвения». Заслуживала внимания и позиция Хопкинса о возможном наличии у аффективной реакции на воображаемое эпистемологической (в частности, прогностической в отношении познания реального мира) функции.

Однако в ходе исследования мы выяснили, что уже аффективное сознание, направленное на реальный предмет, принимает участие в его конституировании, наделяя его соответствующими качествами.

Далее, Гуссерль отказался от своего первоначального мнения о возможности тождества предметов восприятия и фантазии и пришел к выводу, что аффективное сознание, направленное на предмет фантазии, хотя и не становится в силу этого сфантазированным, однако оно не является и актуальным. Гуссерль настаивает на том, что необходимо различать акт фантазии как актуальный акт, переживаемый актуальным Эго, от тех комплексных актов, которые надстраиваются над актом фантазии и направлены на сфантазированный предмет как на «как бы» реальный. Такие акты принадлежат не актуальному, а фантазийному Эго и, в отличие от актуальных актов, приобретают характеристику «квази». Следовательно, даже будучи поглощенными предметом фантазии, мы не живем в ней, а «квазживем», и чувства, испытываемые нами, есть «квази-чувства».

Сартр продолжает линию рассуждений Гуссерля. Он выявляет свойства воображаемого предмета, радикально отличающие его от предмета реального. Реальный предмет обладает независимостью и неисчерпаемостью, в связи с чем его можно узнавать бесконечно. Напротив, воображаемое конституируется с помощью аффективности и знания, вследствие чего образ характеризуется «сущностной бедностью», и мы не можем извлечь из него ничего помимо того, что сами туда вложили.

Поэтому аффективное сознание, направленное на реальное, постоянно подпитывается им, чего нет, если чувства направлены на предмет фантазии. Следовательно, делает вывод Сартр, невозможно испытывать реальное чувство по отношению к воображаемому. Такое чувство не испытывается, а разыгрывается, постепенно становится абстрактным и в результате выхолащивается вплоть до абсолютной пустоты.

Думается, что предложенная Гуссерлем и поддержанная Сартром аргументация убедительна в силу ее последовательности и применения ими в целом прозрачной методологии исследований. Следует заметить, что, с точки зрения Сартра, тезисы о «сущностной бедности» и «небытии» образа как о его существенных чертах, определяющих природу направленной на них аффективной реакции, имеют не вероятностный, а достоверный характер. На аналогичный статус претендуют и выводы Гуссерля относительно природы воображаемого объекта и направленной на него эмоциональной реакции. Хопкинс, напротив, помимо того, что весьма вольно интерпретирует точку зрения Сартра, не раскрывает читателю и своей методологии. Между тем текст Хопкинса дает основания полагать, что его исследование носит по большей части эмпирический и фрагментарный характер, в результате чего его выводы по своему существу являются только предположениями и не могут ни подтвердить, ни опровергнуть исследовательскую позицию Сартра.

Источники

- Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1) / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Гнозис: Дом интеллектуальной книги, 2001. 472 с.
- Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
- Мамардашвили М.К.* Лекции о Прусте (Психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995. 547 с.
- Пруст М.* В поисках утраченного времени: Пленница [пер. с фр. Н. Любимова; примеч. О. Волчек, С. Фокина]. СПб.: Амфора, 2006. 525 с.
- Сартр Ж.-П.* Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001. 319 с.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: ТЕРРА – Книжный клуб: Республика, 2002. 640 с.
- Сартр Ж.-П.* Тошнота. Москва: Изд-во АСТ, 2018. 317, [3] с.
- Husserl E.* Phantasy, image consciousness, and memory (1898–1925). Dordrecht: Springer, 2005. 723 p.
- Sartre J.-P.* Sketch for the theory of the emotions. London: Methuen & Co Ltd, 1962. 94 p.
- Sartre J.-P.* Une idée fondamentale de la phénoménologie de Husserl: l'intentionnalité (*Situations, I*). Sartre J.-P. La transcendence de l'Ego. Esquisse d'une description phénoménologique. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 2003. P. 109–113.
- Sartre J.-P.* L'imaginaire. Psychologie phénoménologique de l'imagination. Éditions Galilard, 2005. 377 p.

Литература

- Hopkins 2011 – *Hopkins R.* Imagination and affective response // *Reading Sartre. On phenomenology and existentialism.* London and New York: Routledge, 2011, pp. 100–117.
- Richmond 2011 – *Richmond S.* Magic in Sartre's early philosophy // *Reading Sartre. On phenomenology and existentialism.* London and New York: Routledge, 2011, pp. 145–160.

References

- Hopkins, R. (2011), "Imagination and Affective Response", *Reading Sartre. On phenomenology and existentialism*, Routledge, London and New York, pp. 100–117.
- Richmond, S. (2011), "Magic in Sartre's Early Philosophy", *Reading Sartre. On phenomenology and existentialism*, Routledge, London and New York, pp. 145–160.

Информация об авторе

Елена В. Дрожецкая, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; elena_drozheckaya@mail.ru

Information about the author

Elena V. Drozhetskaya, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; elena_drozheckaya@mail.ru